

Морозный розовый / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Морозный розовый / рассказ МОРОЗНЫЙ РОЗОВЫЙ

Я лежу на испачканной кровью кухонной плитке в тот же день, когда моя фотография появляется на обложке журнала в тридцать первый раз.

Пол белый и теплый — с подогревом. На обложке на мне белое тоже. Я все равно выгляжу двухмерной.

На самом деле, во мне сорок девять килограммов шестьсот граммов, и я занимаю слишком много места в пространстве. Моя правая нога упирается в стену, другое колено поджато к груди. Где-то рядом с моей головой стоит открытый стаканчик йогурта. Если я протяну руку, то смогу его достать. Дело в том, что я не могу протянуть руку.

Кровь течет по моей ноге на итальянскую плитку. Это так красиво, что я не хочу отводить взгляд. Мне кажется, что меня долго били по животу. Я почти поверила в это пятнадцать минут назад, когда позвонила в «Скорую». В моих руках был тост с яйцом. Яйцо было совсем сырое — я подцепила его со сковородки, меня трясло от нетерпения. Хотелось плакать, и яйцо стекало по пальцам вниз, к запястью и рукаву голубой оксфордской рубашки. Он мог бы позвонить в «Скорую» вместо меня, если бы был дома. До Тель-Авива почти четыре тысячи километров, и он уехал туда на прошлой неделе.

Лежа на полу между холодильником и кухонной тумбой, я признаю честно — он мог бы вернуться через месяц или не возвращаться никогда. Мне только нужно, чтобы кто-то нашел сейчас мое пальто.

Мы поженились два года назад. Его манера растягивать слова начала раздражать меня уже в следующем марте. Через полгода я перестала садиться в машину, если за рулем был он. Сейчас мне хочется кого-то убить каждый раз, когда я вижу, как свет от торшера отражается в его лысине.

Я смотрю вниз, на свои горячие красные ноги. Сегодня в

одиннадцать тридцать утра меня снимали сразу четыре фотографа – отсюда шпильки, которые утыкаются мне в затылок, когда я поворачиваю голову.

Эту работу я выбрала сама. Я вообще-то люблю быть в центре внимания. Раньше сто восемьдесят тысяч человек каждое утро смотрели, как я объявляю клипы на телевидении. Сегодня мне нужно подняться и дойти до двери совершенно одной.

Кровь красная и блестящая, как мои новые туфли.

Они стоят у двери, повернутые носками друг к другу. Мне приятно смотреть на них даже сейчас, свернувшись, как ребенок, с этими дикими спазмами.

Я все еще хочу есть.

Вместо этого я думаю о своей матери. Представляю, как она мешает чай за разговором о внешней торговле. Ей бы не понравилось, как я лежу здесь, в мятой рубашке и такая толстая.

Я не могу представить, что сказал бы ты, если бы увидел меня сейчас.

Когда я думаю о тебе, то всегда вспоминаю о старых кроссовках. Такие жуткие заношенные найки больше никто никогда не носил.

Я не знаю, когда приедет «Скорая помощь». За окном темно и темно будет еще долго. Я смотрю на выкрашенную глянцевой краской стену и на тень от лампы. Я даже не знаю, должна ли тень сдвигаться по мере того, как проходит время.

Наверное, нужно было пойти в университет, когда это сделали все. В восемнадцать лет я слишком много говорила и слишком коротко стригла волосы.

Мне становится легче на целую минуту, и я ложусь на спину, вытягиваясь в полный рост.

Эндометриоз – это разрастание эндометрия в других внутренних органах. Я одна женщина из десяти.

На самом деле, это бойцовский клуб для людей с маткой.

Звонит телефон, но я не могу до него дотянуться. Мои ступни теперь касаются стены. Спазм такой сильный, что тяжело дышать.

Я думаю о твоих грязных найках и совершенно дурацких паузах. Я знала тебя шесть лет.

Когда я видела тебя в последний раз, у тебя были длинные волосы.

Моя поясница прямая и напряженная от боли. Я представляю кровоточащие клетки, раскинувшиеся по организму, как расправившее ветви дерево.

Иногда мне нравится быть лиричной. У меня нечасто бывает на это время.

Обычно он приносит мне ибупрофен и садится рядом, рассказывая про израильские гранаты и мирт. Я не знаю, почему это кажется ему подходящей темой для разговора. Я бы хотела посмотреть на его лицо, когда внутренности сжимаются, как если бы им было тесно в раздутом теле.

Он боится одного вида крови. Если бы он мог решать, в мире все было бы зеленым, бежевым и голубым, как заповедники Верхней Галилеи.

Спазмы начались, когда я закрыла входную дверь. Это было похоже на трещину. Боль начиналась со лба и доходила до голых коленей. На мне юбка, достаточно короткая, чтобы я казалась шестнадцатилетней.

На самом деле, мне тридцать два, и я уже начала ходить по магазинам садовых растений.

Меня тошнило от жара и сигарет, выкуренных на пустой желудок. Теперь помню – я сняла колготки и снова сунула ноги в новые туфли великолепного красного цвета. Я пошла на кухню в пальто, открыла холодильник и взяла с полки йогурт. Он был густой и кислый. Я сняла пальто, достала коробку яиц и поджарила одно, без конца переворачивая его на сковороде. Ги-по-гли-ке-мия. Обе мои руки казались левыми.

Я бросила в тостер сразу два куска хлеба и смотрела, как нагреваются спирали внутри. Красные туфли натирали мне пятки. Я вытащила тост вилкой, шлепнула сверху яйцо и откусила кусок, а потом мне стало плохо.

Может быть, вы читали, что у меня самые красивые ноги в городе, но какая разница, если я никак не могу пристроить их на кафельном полу с настраиваемым подогревом.

Я бы хотела увидеть тебя на своей кухне, рассеянного и сутулого. Это невозможно, потому что ты выглядишь теперь по-

другому. Ты постарел, хотя обещал никогда этого не делать, и ладонью убираешь грязные волосы со лба, когда рассказываешь о саундтреках в итальянском кинематографе.

Иногда я представляю, что пошла в университет и теперь преподаю литературу. Я бы носила очки вместо контактных линз, клала бы в кофе сахар и в карманах постоянно бы находила билеты на автобус, которые давно пора выбросить.

Никто не выпускает обложки с университетскими преподавательницами.

Если перестанет так тянуть, я попробую встать и доем свой греческий йогурт.

Наверное, водитель «Скорой помощи» ищет, где развернуться на моей улице с высаженной акацией и потрясающе идиотским движением.

Мой отец сказал, что ты не подходишь мне со своим чехлом для гитары за спиной и вечным невезением. Ему было сложно не поверить.

Какие-то вещи меняются, потому что должны меняться. Я хоронила мертвых дроздов, когда была маленькой, но кому это интересно теперь?

Батарея только кашляет, но мне все равно жарко здесь, на теплом полу. Я не помню, оставила ли я ключи в двери.

Ты пришел в три часа ночи, с разбитым носом и своим бесценным мнением. Я не знаю, зачем я вообще пустила тебя внутрь. С моей свадьбы тогда прошел только месяц. Ты в первый раз заметил мое обручальное кольцо и его почти французское грастирование. Он вызвал тебе такси. Дергая дверную задвижку, я сломала ноготь и расплакалась, а на следующий день перекрасила их все лаком за две тысячи шестьсот рублей. Оттенок назывался «морозный розовый».

В жизни это как поворот на машине проскочить – придется слишком долго ехать, чтобы вернуться обратно.

Мне даже не нужно закрывать глаза, чтобы представить этот цвет – бледный холод и гладкая, глянцевая поверхность.

Я лежу, сложив руки на груди, и чувствую, как падает температура.

Морозный розовый.

Из гостиной доносятся голоса. Это автоматически включился телевизор, как всегда в восемь часов, когда он садится смотреть мировые новости.

Сейчас не может быть восемь часов. Мне кажется, что я только что проснулась.

Рука, на которую намотаны мои внутренности, по одному разжимает пальцы.

Я уже знаю, что будет: напряжение растекается по животу и слабеет. Я мерзну. Ноги дрожат от слабости, но мне хорошо, лучше, я даже могу вытянуть ноги. Я распрямляюсь. Я чувствую себя всесильной.

Если и это проходит, еще не может быть слишком поздно.

Голос из телевизора призывает драться, как девчонка.

Я не знаю, сколько проходит времени. Тень от лампы все еще лежит на стене, но за окном светлеет, хотя, конечно, я сама это придумала.

Я ведь правда девчонка.

Холодильник мерно вибрирует. Я встаю, меня шатает совсем чуть-чуть, пол греет мои босые ступни. Мое отражение в оконном стекле – то еще зрелище.

Твое потерянное лицо и растрепанная челка, его привычка чесать нос, когда думает, моя мать, обсуждающая с тридцатилетними мужчинами псориаз, сменяют друг друга в моей голове, как диафильмы.

Телевизор советует покупать внедорожники и красить ногти «безжалостным красным».

Я достаю из холодильника бекон и ем его руками прямо из упаковки. Я голодна. Мне хочется сделать что-то дикое.

На экране моего телефона семь пропущенных звонков. Звонит моя мать. Я смахиваю уведомление, и мои пальцы оставляют грязные следы на стекле. Я перезвоню ей завтра или не буду звонить никогда.

Это так глупо и просто, что мне хочется засмеяться.

Мой живот плоский и горячий под юбкой для шестнадцатилетних. Я оставляю на полу бордовые пятна.

По-моему, гранатовое дерево с кровавыми плодами было порождением пустоты в моем желудке.

Я нахожу флакончик лака для ногтей. У него как раз нужный оттенок.

Он должен быть в пути из Тель-Авива. Может быть, прямо сейчас объявляют его рейс.

Я представляю самолет с горящим крылом, стремительно опускающийся на город где-нибудь в Польше.

Развод – это так долго.

Если бы меня спросили об этом вчера, я бы придумала какую-нибудь отговорку. Сейчас я даже с собой могу разговаривать честно.

Мне жарко.

Я крашу ногти алым лаком и думаю о времени, которое упустила. Выходит неряшливо. Мне кажется, что красные полосы обжигают кончики моих пальцев.

Наверное, я действительно сумасшедшая.

Я знаю, ты еще не спишь, ты никогда не ложишься до рассвета, слушая инструментальные концерты на старых пластинках, как сноб и позер.

Я набираю твой номер и сажусь, положив на стул испачканные ноги.

Если в жизни все дело и правда в повороте, то я всегда хорошо парковалась задним ходом.

У меня рябит в глазах от потери крови и красного цвета.

Ты не отвечаешь, и я набираю твой номер снова и снова. Рано или поздно ты возьмешь трубку, и эта мысль заставляет меня улыбнуться. Мои красные пальцы светятся под тусклой потолочной лампой. Я сижу с телефоном в руке, покрашенная, как Эди Седжвик. Меня невозможно игнорировать.

Об авторе: АЛЕНА НОВИКОВА

Писательница, музыкант. Рассказы публиковались в журналах «Прочтение», «Teens Write», «Молодое око». Лонг-лист премии «Северная звезда» журнала «Север» в номинации «Проза» (2018, 2019). Живет в Москве. Neкаýalar